

УДК 81:1

Троицкий С.А.
(Санкт-Петербург, Россия)

СКРЫТОЕ И ЯВНОЕ В ЯЗЫКЕ: СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ЯЗЫКА

Стаття присвячена опису зв'язків мови та соціально культурного контексту, історизму мови. В обіг вводиться поняття «безперервний континуум свідомості».

Ключові слова: мова, безперервний континуум свідомості, історизм, соціальна природа мови, соціум.

Статья посвящена описанию связей языка и социально-культурного контекста, историзма языка. В оборот вводится понятие «непрерывный континуум сознания».

Ключевые слова: язык, непрерывный континуум сознания, историзм, социальная природа языка, социум.

This article describes the connection between language and socio-cultural context. The phenomena of historicism of language are revealed.

Key words: language, continuum of consciousness, historicism, the social nature of language.

Робота виконана в рамках проекту

«Комплексное историко-философское и музееведческое исследование «Петербургская философия как историко-философское явление», №23.38.91.2012

Так вот я и прошу вас убедительно и умоляю, о мужи афиняне: услышавши, что я защищаюсь теми же словами, какими привык говорить и на площади у меняльных лавок, где многие из вас слышали меня, и в других местах, не удивляйтесь и не поднимайте из-за этого шума. Дело-то вот в чем: в первый раз пришел я теперь в суд, будучи семидесяти лет от роду ; так ведь здешний-то язык просто оказывается для меня чужим, и как вы извинили бы меня, если бы я, будучи в самом деле чужеземцем, говорил на том языке и тем складом речи, к которым привык с детства, так и теперь я прошу у вас не более, чем справедливости, как мне кажется, - позволить мне говорить по моему обычаю, хорош он или нехорош – все равно, и смотреть только на то, буду ли я говорить правду или нет; в этом ведь и заключается долг судьбы, долг же оратора - говорить правду.

Платон. *Апология Сократа.*

Здесь действует какая-то высшая логика мирозерцаний, о которой мы обычно стараемся не вспомнить. Но логика эта мстит за себя тем, что обращает в схоластические диспуты почти все наши дискуссии и полемики по методологическим вопросам.

Н.С. Войтинская. *Викгоф*

Человек самонадеянно думает, что он говорит языком, это верно лишь отчасти, обратная часть этого высказывания – язык говорит человеком, цинично используя его как инструмент. Благодаря этому паразитированию на человеке язык живет и развивается, соответствуя предъявляемым ему запросам и решая ставящиеся перед ним задачи, с одной стороны, но с другой, определяя культурную, историческую ситуацию и деятельность человека. «В основе каждого существа лежит принцип недостаточности...» - передает М. Бланшо слова Ж. Батая [1: 12]. Это высказывание отлично подходит для иллюстрации многих проявлений человека, его жизни и деятельности, а если учесть авторитет Батая, то с указанием автора может быть использовано и для аргументации, ведь Батай не мог ошибаться (такова презумпция ума у автора и истинности у авторитетного автора). Принцип недостаточности определяет и существование языка, поскольку я начинаю говорить только тогда, когда мне не достаточно указания, в случае отсутствия предмета. Правда тезис о недостаточности можно перевернуть и сделать его тезисом о переизбытке: я говорю, когда недостаточность касается моего молчания или действий, сопровождаемых молчанием, когда я не могу не говорить, когда мое внутреннее (эстетическое) прорывается наружу. В любом случае речь идет об отсутствии меры. С самых первых описаний христианского рая, Царства Божия оно предстает как царство меры, а язык время, атомарность и другие свидетельства несовершенства тварного мира отсутствуют. Однако человек вынужден существовать в тварном мире, быть существом, вести себя как существо, соответствовать идее существа. А поскольку речь идет о недостаточности, существование человека подчинено ей и направлено на ее преодоление, - человек вынужден искать свое довершение, дополнение и, следовательно, чтобы быть существом, нужно принадлежать к сообществу существ. И преодоление моей недостаточности осуществляется мною настолько сильно, насколько она осознается, и касается это не только и не столько моей телесной природы, поскольку она в условиях, когда развитие человеческого тела однообразно, цикл изменений повторяется от тела к телу, метаморфозы предсказуемы, не выглядит недостаточной. Моя непохожесть как свидетельство несовершенства и недостаточности проявляется, прежде всего, в том, что не может быть объектом сравнения, а потому заведомо неповторимо, - к моему внутреннему, духовному содержанию. Здесь возникает целый клубок парадоксов: моя человеческая повторяемость в теле является залогом моей неповторимости душевной, мое осознаваемое душевное несовершенство (моя неповторимость, оригинальность, самобытность), стимулирующее процесс его преодоления зависит от повторяемости (понятности Другому как факта и его биографии тоже) моей самобытности. В этом отношении понятность Другому есть результат не одномоментного действия сознания, а еще и результат совершившейся истории (биографии) Другого. Тело вряд ли может иметь некое самобытное и самостоятельное развитие, историю, а не быть вечным ее повторением. Это телесное постоянство, телесная рифма моего тела с другим оказывается основой для

кажущейся атональности моего душевного устройства. В психологической жизни моего Я этой видимости достаточно, чтобы быть для меня единственной истинной реальностью, обладать предельной достоверностью, а потому быть источником моих поступков. Но овнешнение моего внутреннего (эстетического или психологического) атонального состояния, превращение мысли или чувства в поступок нуждается в функционирующей системе перевода. В данном случае, этой системой является то, что позволяет объединять существа в сообщества, а людей в народы, общий опыт, похожесть наших переживаний, некое «метасознание». Речь не идет о Божественном разуме, являющимся источником индивидуального сознания, для сообщества это безразлично. Идея Бога актуальна для отдельного человека, сообщество же нуждается в идее Божественных (про)явлений. Метасознание, т.е. доиндивидуальный опыт, осознанное до появления моего сознания, - это проявление коллективной, социальной основы моего существования, вынуждающей меня искать свершения совершенства в обществе. В этом отношении «то, что я обдумываю, обдумывается не мною одним» (Ж. Батай [1: 12]).

В книге, вышедшей в 1982 [3] году, М. Мамардашвили и А. Пятигорский вплотную подошли к тому феномену, которому чуть позже дал название Мамардашвили. «Расположение сознания и его образований, - писал он, - мы должны представлять в измерении, которое я и назвал неразделимым континуумом «бытия-сознания», как общую (совместную) основу причинных пространственно-временных терминов и терминов сознательных смыслов построения наших рассуждений о событиях и процессах» [4: 73]. Данное М.К. Мамардашвили описание практически соответствует тому, что во психоаналитической традиции неотрефрейдизма названо коллективным бессознательным, но К. Юнга и его последователей интересовало проявление этого сверхиндивидуального в психологии отдельной личности, поэтому их описание касается применительной стороны явления, и потому вызывает вполне определенные, психоаналитические коннотации. В отличие от К. Юнга, М. Мамардашвили описывает явление безотносительно к его использованию и происхождению. Однако данное философом название не прижилось в литературе, возможно, из-за громкости: неразделимый континуум «бытия-сознания», а возможно, из-за того, что принципиально не было далее разработано.

Думается, что обозначенный континуум есть все-таки достояние сознания в большей мере, поэтому десять лет назад был предложен термин «непрерывный континуум сознания» [2]. Толкование реальности (бытия) – это всего лишь выход в виртуальную реальность. Феномены нашего психического мира, нашего сознания напрямую не взаимодействуют с окружающей нас реальностью, которая для нас существует только отфильтрованным нашим сознанием виде. Давний предмет философских медитаций, согласование феноменов нашего сознания и явлений так называемой объективной реальности, оказывается актуальным и сейчас. Если мы следуем заданной традиции разделения на объективную и субъективную (толкование явлений объективной реальности, виртуальность) реальность, то нужно представлять себе, что первая есть такая же наша субъективная реальность (объективная реальность для нас предстает как наше представление об объективной реальности). Реальность – потенция виртуальности, ее основа, но не наоборот, виртуальность вовсе не является в-себе-реальностью. Она не может быть основой для разворачивания реальности, но может служить основой для разворачивания другой виртуальности. Таким образом, виртуальность может удваиваться сколько угодно

раз, но реальность всегда одна, и ее сущность – это ее наличие. Все толкующие о реальности экзистенциально заброшены из реальности в виртуальность. Формирование этой виртуальности строится по описанному еще Аристотелем принципу. С помощью термина *μίμησις*, «подражание», «отражение», «вбирание-в-себя-внешнего» («отражение») предполагает связь отражающей-отражающийся, которая существует только в момент отражения, хотя *μίμησις* подразумевает некую постоянную нераздельность этих двух составляющих) Аристотель описывает сущность искусства, оно есть измененная форма окружающего мира. В процессе становления искусством (имманенцией) происходят некоторые изменения в трансцендентном. То, что изменяется, уже не является трансцендентным, но и еще не стало имманентным. Процесс отражения, вбирания-в-себя-внешнего накладывает на отражаемое все отпечатки, которые только есть у отражающего, включая отпечатки ступней, пальцев, структуру ДНК, расположение шрамов и т.д. Отражается только то, что отражающего окружает. Ничего другого он и придумать себе не в силах. Таким образом, искусство – фиксация реальности живущего [5].

Каждый текст, стоит отметить, тоже является принадлежащим к реальности, в силу его наличия, а вот все толкования (чтения) текста и, более того, все манипуляции с ним выбрасывают читателя (комментатора) в бескрайность виртуальности, тем самым читатель теряет текст, теряет и собственную идентичность, которая при таком понимании заменяет собой сущность. И читатель, и текст для читателя (во многом они совпадают) распадается на множество смыслов, толкований, которые являются «двойниками» объективной реальности текста. «Двойников» в кавычках, поскольку это не точно такие же реальности, а всего лишь копии с добавлениями элементов читательской идентичности. Читать «Вишневый сад» А.П. Чехова как читатель-помещик, совсем не то же самое, что читать как читатель-режиссер или как читатель-профессор режиссерского факультета театрального ВУЗа. Читатель разный, но и текст разный. Каждый читатель находит в тексте своего «двойника», выстраивая на основе текста свой мир, свой космос, который будет изменяться с каждым мгновением, поскольку меняется сам человек, поэтому нельзя взять и состояние-мира-в-один-конкретный-миг сделать вообще-состоянием-мира. Непрерывный континуум сознания таким образом можно определить как совокупность таких состояний, содержащихся в индивидуальной памяти и как память о личном опыте, и как память о коллективном опыте.

Реальность содержит в себе все богатство вариаций на тему реальности, но вся виртуальность, содержа бесконечность вариаций, все-таки не может представить вариацию, выходящую за рамки непрерывного континуума сознания того, кто эти вариации создает. Даже измышляя самое неведомое, я не могу не придать ему черты реально существующего, т.е. даже самое неведомое/невидимое я собираю из того, что ведомо/видано. Любая фантазия (фантастика) – отражение реальности, ее «двойник», а вернее сказать отражение непрерывного континуума сознания, который содержит в себе не только всю виртуальность, но и правила высказываний, не только означаемое, но и означающего. Непрерывный континуум сознания образован таким образом «из видения и говорения, из зримого и выразимого, из пространств видимости и полей читабельности» [6: 72]. Страты, исторические формации в смысле Фуко-Делеза суть проявления непрерывного континуума сознания в различные эпохи. Но Фуко, употребляя термин «исторические формации», не учитывает, что состояние непрерывного континуума сознания зависит

не только от исторической эпохи, в которой он существует. Но и в один момент времени может существовать множество непрерывных континуумов сознания.

Конечно, явления бытия преобразуются в явления сознания, а значит, этот континуум, это напряженное поле расположено между бытием и сознанием (об этом говорит и М.К. Мамардашвили). Однако континуум влияет на бытие опосредованно – через сознание, а на сознание – непосредственно. В принципе можно сказать, что этот континуум и есть сознание с одной лишь оговоркой – сознание не исчерпывается этим континуумом, он, если так можно выразиться, элемент общественного сознания. Он тождественен культуре, духовной культуре. Материальная культура – олицетворение тех идей, которые «носятся в воздухе», иначе говоря, которые составляют непрерывный континуум сознания. Он является контекстом для возникновения тех или иных феноменов культуры. Культурность же есть степень вхождения в непрерывный континуум сознания. Проверкой степени вхождения непрерывный континуум сознания служит, например, остроумие.

Поскольку каждый человек, без исключений, включен в систему непрерывных континуумов сознания, поскольку все действия каждого человека и, более того, все мысли детерминированы этой системой пересечений непрерывных континуумов сознания, то можно подумать, что это не приемлет идею о неповторимости, об исключительности каждого человека, каждой личности. Однако на самом деле все совсем наоборот, каждый человек неповторим, исключителен именно из-за того, что в каждом человеке пересекаются совершенно разные континуумы, и именно эта неповторимость пересечений и создает неповторимость личности, неповторимость индивидуального сознания. Именно эта неповторимость и делает человека одиноким. Он устанавливает связь *Я-Ты* с принадлежащим к тому же непрерывному континууму сознания, устанавливает такую же связь с принадлежащим к другому его непрерывному сознанию, так же и с третьим, и с четвертым, и с ...ым, но вся проблема в том, что ни один из этих *Ты* не может стать полноценным *Ты*, т.е. слиться с *Я*, как это возможно в архаических культурах, в мифологическом сознании (*Мы*), где единство непрерывного континуума сознания обеспечивает единство желаний, действий, мыслей.

В непрерывном континууме сознания существуют знаки, символы, язык (его идеальная часть, т.е. то, что обозначается словами), смысл, идеи – одни для какой-то общности людей (народа, группы). Он является основой для понимания людьми друг друга, для диалога, осуществлением отношения *Я-Ты*. Каждая общность людей вырабатывает свой непрерывный континуум сознания, и на нем основывается ее сущность. Основным средством выражения его является язык. Существуя как неосознаваемое, как элемент повседневности, он не требует для выражения мыслей, чувств, идей специальной технической подготовки каждый раз, когда необходимо их выразить. «То, что заключается в речи, должно воспроизводиться говорящим лицом и происходить помимо самой речи», - писал Аристотель [5: 51]. Понимая, что язык несовершенен и функционален, тем не менее, мы пользуемся именно им, рассчитывая на понимание со стороны слушающего. В языке работает то, что предшествует пониманию, то, что позволяет быть языку техничным, содержать в себе множество смыслов, обращаться к контекстам, внешним ситуации. «Кроме цитат, нам уже ничего не осталось, наш язык – система цитат» [7: 201]. Цитата как ярлык текста позволяет не приводить весь контекст, из которого эта цитата была взята, он вспоминается сам. Неосознанность нашего понимания позволяет нам за-

частую пользоваться языком автоматически, и в виде дежурных отписок и отговорок, готовых ответов и установленных языковых клише, и в виде такого творческого метода, как автоматическое письмо, использующее эти языковые штампы для создания художественных произведений. Конечно, в отношении автоматического письма остается вопрос о действительной автоматичности, насколько человек может быть использован как культурный, психологический и т.п. ретранслятор, однако такой метод (автоматическое письмо) подтверждает досознательный, сверхиндивидуальный уровень языка, которым, по всей видимости, может быть непрерывный континуум сознания.

Обучение закладывает основания для того, чтобы все получающие это же образование мыслили «на одной волне», поскольку является объектом коллективного опыта, как сам процесс обучения, так и содержание его. Непрерывный континуум сознания, уже – язык, предполагают существование внутри результатов прежнего опыта, в этом отношении историзм языка – это его характерная черта. Историзм как последовательное накопление смыслов, привязанных к слову, словосочетанию, фразе, абзацу и т.д. Причем, чем больше элементов включает исходный рассматриваемый объект, тем, за редким исключением, конкретнее и однозначнее аллюзия, а значит определеннее контекст и, следовательно, смысловая нагрузка.

Есть свой непрерывный континуум сознания и у профессионально занимающихся философией, для его выработки служит обязательный курс истории философии, это основа, на которую надстраиваются остальные философские дисциплины. Процесс институализации науки – свидетельство установления непрерывного континуума сознания, общего профессионального интеллектуального поля, которое и позволяет специалистам понимать друг друга. Историзм языка проявляется и в формировании профессионального языка как способность накопления терминов, как ярлыков, за которыми закреплено то или иное техническое, функциональные понятия. Как пример, неприятие русской философии до XIX в. Г.Г. Шпетом объяснялось термином «невегласие», который обозначал не просто отсутствие философского языка или его незнание русскими книжниками, но отсутствие истории философии, отсутствие философского опыта, общего для профессионального сообщества. Общий философский опыт заложен в профессиональном философском языке так же, скажем, как накопление знаний в области медицины выражается в медицинском терминологическом и понятийном аппарате. Нам не обязательно проходить весь исторический путь каждый раз, когда мы что-то хотим обозначить, у нас уже есть готовые языковые конструкции, в которых зафиксирован полученный опыт предшествующих поколений специалистов, или, если мы говорим не только о профессиональном языке, то шире – человечества.

Историзм нашего восприятия предполагает знание нами всей генеалогии воспринимаемого объекта. И хотя нам важно развитие его во времени, генеалогические связи, истоки вызывают у нас неосознаваемое позитивистское исследовательское любопытство. А потому слово содержит в себе тома энциклопедий, движет сонмами ссылок и гиперссылок в нашем сознании, позволяя говорить библиотеками. Выделение у слова времени и пространства, как разделяемое и определяемое, свойственное имяславцам и их наследникам (Лосеву, Булгакову и др.) – теория несколько надуманная, т.к. слово предполагает историю, как воплощение времени, воплощающуюся в ссылках и аллюзиях, но не телесность, ибо слово используется как сила (функциональная сторона) либо как история.

Неудивительно, что при всем старании философию слова Булгаков так и не завершил, вероятно, из-за того, что одной из исходных была посылка о существовании тела у слова (произнесение слова – это придание тела). Но предполагая наличие телесности (пространственного присутствия) слова можем ли мы представить самостоятельность слова, даже в самом элементарном случае, нет, мы путаемся в паутине смыслов, ничего не получая в статике, ибо произнесенное, или написанное слово, запускает механизм не только наделения смыслом само произнесенное, порождает волнообразную реакцию переписывания всех смыслов. При этом, процесс этот не остановить и окончательный результат не получить.

Но язык не является элементарной калькой реальности. Конечно, внутри него существует помимо общего коллективного опыта, являющегося таковым хотя бы по факту молчаливого согласия с конкретным состоянием языка, его понятийным и терминологическим составом, языковыми техниками, - существует что-то еще, что определяет содержательное и формальное состояние языка. Искать в дальнейшем это начало, как кажется, необходимо в технике его применения, ведь язык отражает не столько реальность, не только мыслительные схемы (еще неизвестно, что первично, мышление или язык), но и подчинен тому, для чего применяется. Элементарные различия в описываемых чувствах и действии становится отчетливо заметно и за счет языковых различий в описании того и в описании другого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бланшо М. Неопишемое сообщество. – М., 1998.
2. Троицкий С.А. Непрерывный континуум сознания как основа для философствования. // Философия XX века: школы и концепции. Материалы работы секции молодых ученых «Философия и жизнь». Материалы научной конференции 21 ноября 2000 г. – СПб., 2001. – С. 267-270.
3. Мамардашвили М.К., Пятигорский А. Символ и сознание. – Иерусалим, 1982.
4. Классический и неклассический идеалы рациональности. – Тбилиси, 1984.
5. Аристотель. Поэтика.— СПб., 1998.
6. Делез Ж. Фуко. – М., 1998.
7. Борхес Х.Л. Утопия усталого человека // Борхес Х.Л. Круги руин. –СПб., 2000.